

с. 2

СЛУЧАЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

Что бы не говорили, а наделавшие столько шума "Мужики" г. Чехова остаются произведением в высшей степени важным и значительным.

Важность и значительность его заключается, разумеется, не в художественных достоинствах — вряд ли "Мужики" в художественном отношении могут быть поставлены рядом с другими его рассказами и даже с некоторыми, правда немногочисленными произведениями из народной же жизни других молодых авторов; равным образом не правдивостью воспроизведения народного быта, не отсутствием идеализации крестьянства замечательны чеховские "Мужики" — после Толстого, Гл. Успенского, Короленко и других менее крупных талантов, как известно изображавших народную жизнь с беспощадным реализмом, правдивостью и отсутствием идеализации народа не удивишь читателя — нет, рассказ г. Чехова должен быть признан выдающимся произведением в виду того только, что оно как нельзя ярче и полнее характеризует настроение автора и, в частности, его отношение к народу, к крестьянству. А ведь г. Чехов — по своему настроению, по своим взглядам, по своему нравственному облику — типичный представитель современности. Чеховых, т.е. таких людей как наш талантливый беллетрист, с такими-же тусклыми воззрениями и точно таким-же унылым настроением очень много

среди современной интеллигенции...

Если, таким образом, "Мужики" не представляют собой ничего выдающегося в художественном отношении, если они не дают ничего нового и ценного для уразумения крестьянской жизни и быта, то этот рассказ является зато незаменимым документом для характеристики настроения значительной части нашей современной интеллигенции.

Мне в другом месте пришлось уже указывать в каком смысле характерен рассказ — "Мужики" и какие именно стороны в психологии г. Чехова, как представителя современности, раскрывает собой это произведение. Поэтому теперь я не намерен останавливаться на этом пункте. Я говорю о рассказе г. Чехова потому только, что он невольно вспомнился мне при чтении заметки в № 294 "Новостей", в котором передается содержание брошюры г-жи Аргамаковой под широко-вещательным заглавием: "Действительность мечты и рассуждения провициалки."

У нас, к сожалению, нет под руками этой брошюры, но уже по реферату "Новостей" можно смело сказать, что при всей наивности ее содержания, при всех, вероятно встречающихся, в ней курьезах и даже несообразности она любопытный документ, любопытный в такой же степени и в таком же смысле, как рассказ г. Чехова и нет никакого сомнения, что, если бы г-жа Аргамакова обладала беллетристическим талантом и вздумала написать рассказ, повесть или роман из народной жизни, то перед нами было-бы произведение в таком же точно духе, как чеховские "Мужики": в этом произведе-

нии более или менее ярко изображались бы в самом безнадежном виде непроходимая дикость крестьянства и грубость представителей крестьянского мира, — грубость, низводящая их до степени животного... Разница могла бы заключаться — и то весьма незначительно — лишь в освещении картины, но содержание ее, повторяю, без сомнения оказалось бы вполне тождественным с картиной крестьянской жизни, нарисованной нашим талантливым беллетристом.

Г. Чехов, далекий, как в этом убеждают все его произведения, от всякой "партийности", свободный от узких партийных воззрений, склонен объяснить нравственное и умственное убожество крестьян не временными причинами какими нибудъ, — он усматривает всю беду в физическом труде, на котором зиждется крестьянское существование. Школы, грамотность, всеобщее обучение, народные издания, увеличение наделов и вообще все мероприятия, даже самые радикальные, направленные к поднятию умственного уровня и к улучшению материального положения крестьянства, ни к чему не приведут, раз в основе его существования лежит физический труд, который при всяких условиях имеет единственную тенденцию — так сказать, оскотинивать человека, лишая его образа и подобия Божия. Такова, думается, идея, проникающая рассказ г. Чехова.

Что же касается г-жи Аргамаковой, то она, кажется — судя по некоторым пунктам ее брошюры — пока еще не успела настолько эмансипироваться от узко-партийных воззрений, как г. Чехов, поэтому и мерзости крестьянской жизни она

будет объяснять с той или другой "партийной" точки зрения, выдвигая причины более или менее партийного характера. Если, например, ей уже посчастливилось вкушать плодов от дерева нашего марксизма, то в качестве причин духовного убожества крестьян, она укажет на сравнительно слабое еще развитие у нас капитализма и, следовательно, на недостаточное еще число крестьян, побывавших в "фабричном котле"; если г-жа Аргамакова усвоила взгляды кн. Мещерского, то вся беда окажется в том, что крестьян мало секут; если же она — поклонница "Московских ведомостей", то грубость, дикость, разврат, пьянство и все др. подобные прелести, которыми она в изобилии наделит деревню, будут приписаны растлевающему влиянию земской школы и не менее растлевающему воздействию "интеллигентов".

Но каковы бы не были, по мнению г-жи Аргамаковой, причины деревенского убожества, — во всяком случае, займись она описанием в беллетристической форме крестьянского быта — из-под ее пера вышла бы, повторяю, столь же безнадёжная и мрачная картина, какую мы видим в чеховских "Мужиках". Что наше предположение вполне основательно, читатель может видеть из нижеследующих строк г-жи Аргамаковой, посвященных описанию современной деревни.

Рассказывая в изданной ею брошюре "О наблюдениях личной жизни", г-жа Аргамакова замечает, что деревня с ее обитателями, по ознакомлении с ними на месте, в явлениях мелкой повседневной жизни, предстала перед нею в ужасном свете, подавила ее своей грязью и мерзостью и заставила

бежать с поля практической деятельности.

"В деревне, — повествует г-жа Аргамакова, — не только вы не найдете теперь добрых отношений к соседям, но даже члены семьи крадут в своем доме: парни тащут из дому, чтобы иметь деньги на гостинцы девкам, мужик, отец семьи, тащит добро в кабаки или к лицам, занимающимся продажей водки; бабы утаивают в неразделенной семье масло, яйца и др. продукты, чтобы продать и купить детям баранок, сахару и одежду; даже деревенские подростки опустошают огороды и сады и занимаются кражей пут с лошадей, которых затем пускают на свободу, причиняя вред себе и соседям".

Ясно отсюда, что если г-жа Аргамакова займется писанием повести или рассказа из деревенской жизни, то она непременно даст ряд сцен, в которых действующие лица только и будут заниматься взаимным обворовыванием. Г-жа Аргамакова, вероятно, разделит свою будущую повесть на несколько глав. В первой из них читатель найдет подробное описание того, как какой-нибудь Иван Петров в одну темную ночь забрался в клеть своего соседа — Петра Иванова и в волосок обворовывает его, причем указано будет, что и этот последний не чист на руку и неоднократно был уличаем в воровстве. Глава вторая будет посвящена одному или нескольким зараз деревенским молодым парням, которые утащив из дому, из под носу у отца и матери, какой-нибудь полушубок или мерку овса, волокут сие к местному кулаку-лавочнику и обменивают украденные вещи на гостинцы, которые тут же преподносят своим Дульцинеям. Глава третья —

в ней фигурирует "глава семьи" в тот самый момент, когда он стибрил из дому свое же собственное добро и во все лопатки несется с оным "в кабаки или лицам, занимающимся продажей водки". Страницы четвертой главы будут посвящены нескольким бабам "неразделенной семьи": боязливо озираясь по сторонам, эти бабы крадутся кто по направлению к амбару, кто — к чулану, кто — на чердак, бережно неся что-то завернутое в тряпицы — это они "утаивают масло, яйца и другие продукты, чтобы продать и купить детям баранок, сахару и одежду"... Наконец в пятой главе живописуются сорванцы-подростки, из которых одни опустошают огороды, другие, забравшись в господский сад, воруют там яблоки, груши и прочие плоды, третьи же снимают путы с чужих лошадей которые, почуввав свободу, несутся во весь опор по засеянным полям, чем причиняют крестьянам ущерб...

На этом, вероятно, г-жа Аргамакова и закончит свою повесть из народной жизни. Может быть, впрочем, она найдет нужным добавить еще несколько глав. Возможно также, что она украсит свое произведение прологом и эпилогом или найдет более удобным как-нибудь иначе расположить свой материал, или, как она выражается, "положения, почерпнутые ею из многочисленных прочитанных ею книг и журнальных статей и широкий запас наблюдений личной жизни". Но тема повести, ее содержание, и ее сущность ни мало не изменятся от этого.

Далее. Если природа обидела г-жу Аргамакову беллетристическим талантом, то разумеется она напишет произве-

дение аляповатое, скучное, лишенное всяких худож. достоинств. Но легко может статься, что из под ее пера получится вещь недурная, даже, может быть, и очень удачная с художественной стороны, нисколько не уступающая чеховским "Мужикам". Все зависит от степени талантливости г-жи Аргамаковой. Не то я хочу сказать, что талантливый беллетрист при всяких условиях и какова бы ни была избранная им тема создаст хорошее или даже только сносное беллетристическое произведение. Из ничего ничего и не создашь — хоть будь семи пядей во лбу. И если художник даже первостепенной величины будет оперировать над темой, лишенной жизненности, — над небылицей или даже над явлениями, которых он сам лично не наблюдал, то ничего хорошего, ничего мало-мальски ценного в художественном отношении он не напишет. Таких примеров знает немало и наша и иностранная литература. В данном же случае имеются на лицо все условия для того, чтобы писатель, обладающий более или менее значительным талантом мог написать удачную в художественном отношении вещь. Воровство среди крестьян не может считаться, конечно, выдумкой, небылицей. Это, напротив, явление довольно там, к сожалению, распространенное. Вместе с тем г-жа Аргамакова не по наслышке писала бы о воровстве, а воспроизводила бы результаты "наблюдения личной жизни". Весьма, стало быть, возможно, что она написала бы произведение вполне реалистическое, жизненное и притом не тенденциозное или, по крайней мере, не грубо тенденциозное, т.е. такое произведение, в котором не будет ни подтасовки фактов, ни стремления осветить их с предвзятой точки зрения. Она просто

gine iга et studio без малейшей тенденциозности будет описывать лишь то, чему свидетелем пришлось ей быть, что ей пришлось видеть и наблюдать в крестьянском быту — будет описывать ряд фактов воровства, точно так-же, как г. Чехов без всякой тенденции воспроизвел своих скотоподобных "мужиков", которых ему случайно или неслучайно довелось наблюдать. Почему именно одни факты воровства успела подметить г-жа Аргамакова в крестьянской жизни, как наиболее характерную особенность последней? Почему одно скотоподобие, торжество одних лишь животных инстинктов усмотрел в "мужиках" г. Чехов? — Это другой вопрос, — вполне аналогичный вопросу: почему дальтонист видит, положим, черный цвет вместо красного? Подобно тому, как для разрешения этого вопроса приходится прежде всего обращаться к исследованию особенностей зрительного органа больного, — так и там необходимо раньше всего выяснить себе особенности психологии г-на Чехова и г-жи Аргамаковой, которыми обуславливается то обстоятельство, что они усмотрели в деревне только разврат, дикость, грубость и т.д. Упрекать же их в тенденциозности столь же несправедливо и нерезонно, как и упреки в умышленном нежелании видеть красный цвет, направленные по адресу людей, страдающих дальтонизмом...

Оставляя в стороне нашего талантливого беллетриста и обращаясь к одной только г-же Аргамаковой, приходится сказать, что если бы она была склонна к "тенденциозности", то эта тенденциозность скорее проявилась бы в противоположную сторону — в сторону идеализации крестьянства, ибо, по ее собственным словам, "она пришла в дерев-

ню к крестьянам с модной идеей народолюбия, начитавшись описаний крестьянской жизни, считая народ приниженным, но равным по уму и чувствам, и что же? Действительность не оправдала ее мечтаний, и последние вскоре оказались разбитыми "вдребезги" — и она поспешила ретироваться.

По истине трогательная и умилительная картина. И нельзя не сочувствовать г-же Аргамаковой!... Помилуйте, она пришла в деревню "с душой, открытой для любви", одухотворенная идеей народолюбия, пришла к крестьянам, как к существам, стоящим столь-же высоко "по уму и чувствам", как и она сама — значит, выше леса стоячего, выше облака ходячего — и вдруг эта возвышенная особа наткнулась на безобразнейших субъектов, сущность жизни которых заключается во взаимном обворовывании!...

— — —

Положение г-жи Аргамаковой можно было бы вместе с нею признать ужасно трагическим, если бы оно не было... комическим и если бы похождения автора брошюры не напрашивались на сравнение с некоторыми фактами нашего недалекого прошлого, когда идея "народолюбия" не была только "модной", когда она осмысляла жизнь лучшей части интеллигенции. Под влиянием этой "идеи" многие шли тогда в крестьянскую среду и усердно занимались изучением ее. Много, очень много огорчительного нашли они в "мужике" при первой встрече с ним — не меньше даже, чем г-жа Аргамакова — (вспомните, например, первые очерки из деревенской жизни Гл. Успенского), но они не отвернулись от

него с великолепным презрением, да они и не могли, не в силах были отвернуться, — не могли потому, что это равносильно было бы для них нравственному самоубийству, это значило бы — лишиться важнейшей точки опоры. Если хотите из чувства самосохранения они не могли, так сказать, поставить точку после первой же огорчительной встречи с "мужиком", т.е. признать его "зверем" и безнадежно махнуть на него рукой. "Идея народолюбия" заполнившая мозг и сердце, заставила еще внимательнее и вдумчивее отнестись к "мужицкой" душе, внимательнее всмотреться в его жизнь, разностороннее изучить деревенский быт...

К каким взглядам пришли они в результате более близкого знакомства с "мужиком" — об этом мог теперь распространяться не станем. Заметим только, что, нисколько не идеализируя деревню, не скрывая ни от себя, ни от других ее печальных сторон, они усмотрели в ней мысль, правду, хотя и "зоологическую", но все-же правду, — они словом не нашли деревню безнадежной и достойной одного только презрения"...

Так обстояло дело, когда "идея народолюбия" не была только "модной", какой она оказалась позднее — в наши годы. "Слова остались, но животворящий дух исчез" — заметил как-то один из корифеев нашей литературы в виду судьбы "идей", подобных "народолюбию". И в ближайшие к нам годы интеллигенты ходили "в народ", но мотивы этого хождения коренным образом изменились. Не с мыслью притти на помощь "мужику" в его многочисленных несчастьях они отправлялись в деревню, а во имя "личного самоусовершенствования".

II

вания", чтобы убежать от тоски или просто от скуки. Хождения в деревню играло таким образом роль наркотического средства. На этой почве разыгрывались подчас трагедии и драмы, но немало комедий и даже водевилей имело тут место. Иные действительно глубоко страдали от душевной пустоты и неудачно пытались на лоне деревни обрести успокоение, но немало было и таких, которые просто от скуки и безделья шли к пейзамам — вроде того, например, как скучающие горожане ищут развлечения на дачах — и в конце концов, и следовало ожидать — являлись героями или героинями водевилей.

Г-жа Аргамакова на наш взгляд, одна из таких именно водевильных героинь. Не во имя "идеи народолюбия" пошла она к "мужику" — по ее собственному признанию для нее эта идея являлась только "модой". Просто скука томила ее — город и городские развлечения приелись, чувствовалась некая душевная пустота — и вот под влиянием этого, а, может быть, под влиянием еще причин личного характера, наша героиня надумала отправиться в деревню к пейзамам. Почему именно среди пейзажей задумала наша героиня развлечься — почему, например, она не сделалась "эстеткой" в духе Студенцовой (см. "По другому" г. Боборыкина) или по примеру г-жи Гипп-нус не занялась описыванием в стихотворной форме своих стремлений к тому "чего нет на свете" — это дело случая и личного вкуса г-жи Аргамаковой.

Как бы там ни было, но она, скучающая и унылая, решила пойти в деревню. Надо думать, что тогда, в момент этого решения, она еще не успела прочитать "много книг и журнальных статей" и в частности имела очень скудные све-

дения о деревне. Ничто, поэтому, не помешало нашей "народолюбке" мечтать о том, как она, грустная, скучающая, появится среди пейзазов и смиренно скажет им: "примите меня в свою среду — я ушла из развратного, насыщенного эгоизмом города к вам, при всей своей бедности, сумевшим остаться добродетельными и чистыми душой", как эти добродетельные пейзазы любовно и даже восторженно встретят ее, как она в долгие, зимние ночи будет беседовать с ними о предметах все возвышенных, сидя в небольшой и довольно ветхой, но в то же время очень чистой избе, как пейзазы привяжутся к ней, будут на каждом шагу слушаться ее советов и поучений и т.д. в таком же роде. Но жестокая и грубая действительность, как вам известно, "вдребезги разбила ее мечты". При первом же появлении в деревне, г-жа Аргамакова — особа, повидимому, очень наблюдательная — подметила, что пейзазы склонны грешить против восьмой заповеди. Она стала присматриваться внимательнее, начала тщательно следить за пейзазами и — о ужас! — насчитала не один и не два, а целый ряд случаев воровства — может быть, даже у нее самой успели что-нибудь стянуть — и пришла к заключению, что добродетельные пейзазы — чуть ли не поголовные клептоманы. Мельком г-жа Аргамакова подметила, вероятно, еще кое-какие дефекты в крестьянской душе и в крестьянском быту — и она поспешила отказаться от своей благородной миссии — ушла из деревни и в указанной брошюре излила свои огорчения...